

Содружество голодных поэтов

ВИНО СОНЕТОВ

«БОЯНЫЧ»
Санкт-Петербург
2001

83.3(Рус-Рус)6
В 49

Серия «Библиотека голодных поэтов»
Основана в 1997 году

Составитель Феликс Дымов

В 49 Вино сонетов: книга сонетов / Сост. Ф. Дымов. СПб. «Бояныч».
2002. – 64 с.

ISBN 5-7199-0149-3

В серии «Библиотека голодных поэтов» вышли сборники «Безумное чаепитие, или Сухарики Арвентура», «Трактирь «Грааль», или Три корочки хлеба», «Трактирь «Грааль», или блины с любовью», «Трактирь «Грааль», или Пирог с драконом». В серии вышли также авторские сборники Алисы Клио «Космогония Зазеркалья», Николая Арвентура «Вещее видение» и Валентины Шахбазовой «Приревнуй меня к стихам».

ISBN 5-7199-0149-3

© Ф. Дымов, составление 2002

© Издательство «Бояныч»

2002

**Я ВЫЗВАЛА
ИЗ ТЬМЫ
ТВОЮ ЛЮБОВЬ**

**ОПЫТ
КОЛЛЕКТИВНОГО**

1

Ты обещал мне вечную любовь.
Меня как будто светом ослепило.
Жизнь превращалась в сказочный лубок,
И мне казалось, так оно и было.

Мне пели краски, музыка звала
К любви, и о любви цветы шептали,
О том же шелестела мне листва.
Мир с нами говорил любви устами.

Я верила, что все для нас двоих,
Что мы с тобою – это центр вселенной.
Везде я видела глаза т твои,
Все остальное было тенью бранной.

Любовь несли уверенно, с задором, –
Высокую и чистую, как горы.

Нина Постникова

2

Высокую и чистую, как горы,
Глубокую, как неба вечный зов,
Широкую, как волн седых просторы, –
Мы постигали магию стихов,

Но – звонкую, как звезд поток бескрайний,
Но тихую, как предрассветный час,
Мы встретились, и пережили тайну
И превратились в одного из нас.

И в летний холод, как и в зимний зной,
Мы шли наверх, не чувствуя ступеней
Ни под ногами, ни над головой.

За нами следовали наши тени:
Две вечных темы – воля и покой,
И пело тело клеточкой любовью.

Александр Пак

3

И пело тело клеточкой любой,
Душа в полёте пребывала странном.
Навеки был потерян мой покой,
Я думала о нём, о нём, желанном.

Но грезилось: разлюбит и уйдёт,
И это нарушало сон беспечный.
Задумала я сделать приворот,
Чтоб счастье длилось бесконечно, вечно.

Я верила, любовь свою спасу,
В глухую полночь собирая травы.
И разводив костёр в густом лесу,
Я думала: могу, имею право.

Шептала я беззвучно наговоры,
И чары зрели корнем мандрагоры.

DIS FECIT

4

И чары зрели корнем мандрагоры,
В астральной тьме завис кадилный дым,
Обильно разрастались мухоморы
И над, и под, и за, и перед ним

Открыла я священные скрижали
И вникала в тайный смысл заветных слов,
Гадая о последствиях едва ли,
Я вызвала из тьмы твою любовь.

И, словно оживая чью-то драму,
Ты чисто по-высоцки мне сказал:
«Я не люблю, когда выходят замуж,
Я также против выхода в астрал».

И, стоя на коленях, на крови,
Ты клялся мне в немыслимой любви.

Алиса Клио

5

Ты клялся мне в немислимой любви.
Слова твои... Ах, разве это важно?
Не вспоминай их, сердце не гневи.
В словах ты был безудержно-отважным.

Ужель не знал: хоть искренни они,
Но им в потоке женских глаз не выжить,
Когда вокруг блуждали, как огни,
Сирен глазищи жгуче и бесстыже.

Вот пара черных истовых лучей
Вдруг оказалась слов твоих сильней.
Слова поникли обреченно в споре.

И выросла на них полынь-трава,
И виделась печальная Нева
Глубокой и бескрайней, словно море...

Николай Арвенцур

6

Глубокой и бескрайней, словно море,
Была моя тоска, моя печаль.
Взывала к сфинксам я. И в разговоре
(Безмолвном!) историческая даль

Меня так странно-тихо утешала!
Волна в гранит изъеденный плескала;
Ступени обомшелые влекли
Уйти от гореносицы-земли.

И вспомнила я дочерей Софии.
Бы подвиг? Да! Но тут – греха стихия.
И я молила – Бог тебя простил

За то, что тривиальную влюбленность
Ты принял за любовь и просветленность,
Пьянящим хмелем слов меня обвил...

Николай Арвенцур

7

Пьянящим хмелем слов меня обвил –
Я слушала, не веря клятвам страстным.
Он счастье бесконечное сулил,
Он соблазнял желанием опасным.

Его слова встревожили меня –
Вдруг вспомнилось прекрасное иное:
Исполненный любовного огня,
Друг душу открывал передо мною.

Но я боялась сердце опалить,
Любви хотела тихой и спокойной...
О, как устала я спокойно жить,
Мечтая по ночам о страсти знойной!

Отныне, созерцая волны моря,
Я трепетала, грезя об атог'е.

Вика М.

8

Я трепетала, грезя об атог'е,
И тысячи загадочных фигур
С клинком в руках и пламенем во взоре
Мне рисовал придирчивый амур.

Но стоило герою воплотиться,
Как сталь и пламя мне внушали страх.
Хотелось убежать или забыться,
Мои надежды вновь терпели крах.

Когда ж меня мечта тянула ввысь,
Я лезла вверх, чтоб покорять вершины,
То хищной становилась, будто рысь,
То нежной и податливой, как глина.

Вернуться мне хотелось на простор,
Но рвали камнепады гребни гор.

Надежда Кизнецова (Рыжова)

9

Но рвали камнепады гребни гор,
И в темном небе молнии сверкали,
А ты, таясь во мраке, словно вор,
Любви моей разгадывал скрижали.

Чужую тайну ты хотел украсть,
Похитить то, что не принадлежало
Тебе. И называл любовью страсть.
Как скорпион – отравленное жало,

Ты в самого себя вонзил клинок
Своих напрасных суетных желаний –
И, не постигнув тайны, занемог,
Не выдержал сакральных испытаний.

Герой раздавлен буре на потребу...
И шквалы пришивали волны к небу.

Ирина Додонова

10

И шквалы пришивали волны к небу,
И песней страха полнилась земля.
Меня спасала только вера в небыль,
Опора сердцу – зримость бытия.

Мир странный проявлялся в бездне бури:
Там чувства, отрываясь от земли,
Врывались в вихрь танцующей лазури,
Играя жизнью где-то там, вдали.

Невероятен их лихой напор,
И в сердце проникал он тихим ядом,
И жизнь иная мне казалась адом:

В былом наш страх потерь и жёстких правил
Жестоко и бездушно нами правил,
И выцветал от времени атог!

Т мка 3. ч.

11

И выцветал от времени атог,
В душе коварный затевая спор:
Хотелось вслед за вихрями летать,
Хотелось на земле спокойно спать.

О, провидение! В какие времена
Из разных двух возникла бы одна
Прямая и счастливая дорога,
Чтоб каждый не гневил обидой Бога?

Но в песнях сердца ноты невпопад,
Нас тяготил немислимый разлад,
И каждый думал: ах, забыться мне бы –

Ползти ужом ли в скользкой тишине,
Лететь орлом ли в дальней вышине...
И клятвы вдруг проваливались в небыль!

Т мка 3.4.

12

И клятвы вдруг проваливались в небыль,
И в камни обращалась пустота,
И появлялся тот, кто раньше не был,
И таяла на Солнце темнота.

Чредой картины мира проходили
Пред взором, алчущим видений естества.
И удивлялись зрящие: да мы ли
Полны сегодня злого торжества?!

Но видящий не ведал откровенья,
Постигнутого слышащей меня.
Оно явилось, словно озаренье
В обличье златогривого коня.

Пускай шумит безумная молва!
Но до сих пор любовь во мне жива.

Владимир Малых

13

Но до сих пор любовь во мне жива,
Хоть умерли давно другие чувства.
Они сгорели на костре искусства...
На пепелище не растет трава,

Один лишь странный корень мандрагоры
На выжженной земле пророс, созрел.
Искать его – всех любящих удел,
И все они свернуть готовы горы,

Чтоб только отыскать заветный плод,
И приготовить из него напиток,
И выдержать сладчайшую из пыток
С названием «любовь». И выпить мед

С желанных уст. Любовь опять права,
Ей не страшны ни время, ни слова.

Анна Богданова

14

Ей не страшны ни время, ни слова,
Она сама – затасканное слово.
Любовь, любовь. Любовь всегда права,
И все мы ждем, когда заглянет снова

Она в наш дом. И обнаружишь вдруг,
Что ты еще имеешь шанс на счастье,
Что вот он, рядом, твой надежный друг,
Не чуждый откровений и участия.

Но сохрани вас Бог от обещаний,
От слов немислимых, от клятвы на крови,
И от назойливых напоминаний
Предмету страсти о своей любви.

И все же я тебе напомним вновь –
Ты обещал мне вечную любовь.

Анна Богданова

15

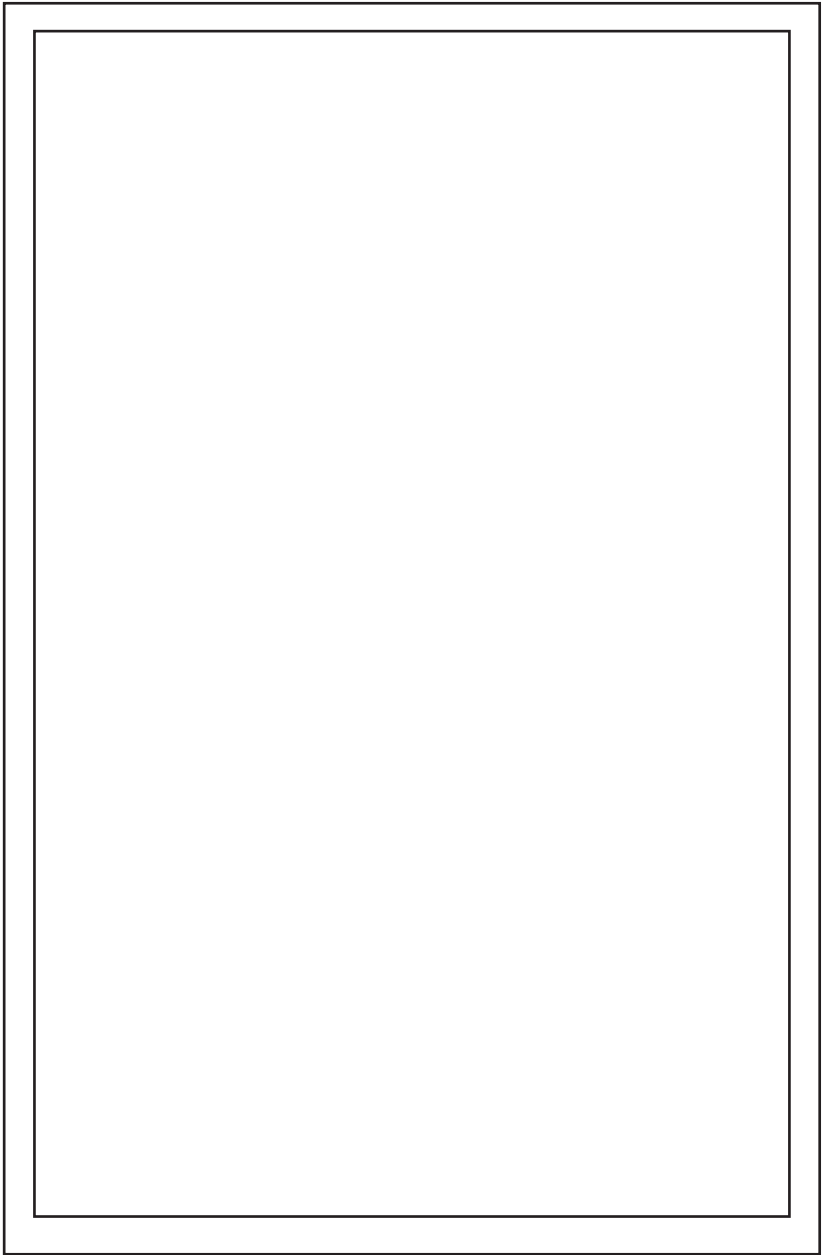
Ты обещал мне вечную любовь,
Высокую и чистую, как горы.
И пело тело клеточкой любовью,
И чары зрели корнем мандрагоры.

Ты клялся мне в немислимой любви,
Глубокой и бескрайней словно море.
Пьянящим хмелем слов меня обвил -
Я трепетала, грезя об атог'е.

Но рвали камнепады гребни гор,
И шквалы пришивали волны к небу...
И выцветал от времени атог,
И клятвы вдруг проваливались в небыль.

Но до сих пор любовь во мне жива:
Ей не страшны ни время, ни слова!

Феликс Дымов

**ЧТО НОВОГО
В ЛЮБВИ**

Вика М.

* * *

Ты был со мною ласковым и нежным.
И всё умел, но не любил меня.
Мечтала зря о счастье я безбрежном,
Неверие в твою любовь гоня.
Напрасно сладко грезила ночами,
Как мы с тобой уносимся вдвоём
В волшебную страну, где нет печали,
Где мы любовь друг другу отдаём.
И с болью я уверилась однажды:
Любовь - кораблик маленький бумажный,
Который волны сильные зовут
С собою плавать по морям безбрежным,
Но лишь растреплют ласкою небрежной,
А после под собою погребут...

* * *

Когда ты мне смотрел в глаза,
От счастья сердце замирало,
А нынче горькая слеза
Напомнит, что любви не стало.
Расстались мы, но я одна
Была повинна в нашей ссоре.
Как нитка чёрная, вина -
В судьбы таинственном узоре.
Как этот расплести узор
И заново судьбы ковёр
Соткать, не допустив ошибки?
Сказать, наверное: "Прости.
Свою обиду отпусти
И доброй не скрывай улыбки".

* * *

Вчера тебя увидела с другой...
Закрыв глаза, напрасно я пыталась
Поверить: это шутит мрак ночной, –
Но в сердце дума горькая закралась.
Казалось мне – я у тебя одна,
Не думала, что где-то есть другая.
Но шел ты, и с тобою шла она,
Тебя за плечи нежно обнимая.
Нет мне покоя. Как же быть теперь?
Ты скажешь вновь: «Люблю тебя, поверь!»
А я прогнать сомнений не сумею.
Как хочется – любить!
Но этой встречи мне не позабыть.
Зачем тебя увидела я с нею?!

Владимир Малых

* * *

Прекрасная жестокая любовь,
Как ты к себе влечёшь неодолимо!
Улыбкой дразнишь и проходишь мимо,
Советуя: «К борьбе себя готовь...»

Пускай того сражения исход
Уже решён, однако жребий брошен,
И свежую проблемой ум встревожен:
Побольше бы найти себе забот.

Забыто всё, что прежде волновало –
Любви порой и этой жертвы мало,
Опять освобождается алтарь.

Но как прекрасно жертвовать покоем
Для радости, которой ты достоин...
Что нового в любви? Всё в ней как встарь.

* * *

Засохнут, словно старые цветы,
Терзавшие меня воспоминания,
Увянут невозможные желания,
И облетят былых надежд сады.

О прошлом позабыв, я к жизни вновь
Воспряну, словно дерево весной.
Отныне стану я “на ты” с судьбою,
И запылает новая любовь!..

Но нет. Увы... Напрасные мечты -
У счастья для меня ларцы пусты,
И больше не волнует ожидание.

Но чуда жду от будущего дня,
Пока живёт, в грядущее маня,
В моей душе заветное желание.

* * *

Простите, не могу я Вас любить.
Пред Вашей преклоняясь красотой,
И добротой, и нежною душой,
Не в силах я другую позабыть.

Простите, я не волен Вас любить.
В том признаюсь, целуя Ваши руки.
Как я хочу избавить Вас от муки!
Но не могу другую огорчить.

Простите мне неосторожность взгляда...
Мучительна любовная отрада,
Когда любви – продолженной не быть.

Не утолить мне в сердце Вашем боли.
Не вызволить из горестной неволи.
Я не смогу другую разлюбить.

Анна Богданова

Сонет

Чтоб наконец-то истину познать,
Что нужно сделать? Кто мне объяснит?
И как, скажите, можно не писать,
Когда так сильно, там, внутри болит?
И я беру бумагу и перо,
Пишу, а после – зажигаю спичку...
И слышу плач несчастного Пьеро,
Плач у него давно вошел в привычку.
Ах, этот мим! Он вечно слезы льет,
Душе моей покоя не дает,
Следит за мною изо всех окон.
А я хочу уйти, но я люблю
И... просыпаюсь, скомкав простыню.
Мир нереален, он - всего лишь сон.

1996

Алиса Клио

Со-нет

М.

Агония огня,
В тисках тоски.
Похмельные сонеты и картины...
И вянут огневые лепестки,
Свернувшись в ложе старого камина.

Недолг век у сорванных цветов.
Горят сердца – и оплавляют свечи,

Союз наш был так ярок, но не вечен
И перед ним ничто вся мудрость слов.

Твои слова – моё молчанье.

И

Мы расстаёмся, словно в забыты
И кажется, что нам не до любви...

Но пусть так холодна твоя ладонь,
Пусть чей-то голос шепчет мне: «НЕ ТРОНЬ!»,
Я отогрею гибнущий огонь.

Дар

В тебе есть то, что нужно им сейчас, –
Мечты, надежды, свет и вдохновенье,
Хлеб, зрелища, и кровь... и вождельенье!
Побудь для них Спасителем на час!

Но ты страшишься участи такой,
И каждое небесное знаменье
Воспринимаешь словно искушенье
И гонишь поведительной рукой.

Спешишь уйти, обременённый ношей,
Которую ни скинуть, ни продать...
Не купленная Божья благодать!

Скор на руку и ревностен суд Божий:
Тебя спалит невидимый пожар –
Сокрытый от людей небесный Дар.

Весна

Опять – в который раз – весна,
Опять – в который раз – смятенье,
Обманутые устремленья
И бес в ребро... и седина.

Опять – в который раз – Она
С букетом роз, в манто из норки,
Согласно древней поговорке –
«И не сестра, и не жена».

Весна придет, весна встревожит,
Весна сомнения низложит,
Весна союз благословит,

Но было много, много весен,
И каждый раз Она приносит
Цветы к надгробию любви.

Артур Бертон

Магистрал

Как враг чужого интереса
Я в мир иной от бранных пут
Отправлен милостью Дантеса.
Не долгов был земной мой путь.

Темно. В глазах круги одни...
Вдруг в ярком свете отраженье –
Родные лица. Все они -
Мой бред, последнее виденье.

Вот Дельвиг, Кюхля младший брат.
Былое не вернуть назад.
А вот долги казне, наследство...

Ах, лучше б мне остаться в детстве!
Но поздно! Брошен жребий мой.
И близок неземной покой...

1

Как враг чужого интереса,
Французского либерализма брат,
Я в молодости был повеса,
И не грущу о том сто крат.

С моим презрением к тиранам
И тягой к ясности в словах
Из жизни уходить не рано,
Коль сердце превратилось в прах.

Вся жизнь была борьбой за слово,
И не решен еще вопрос –
Кто за меня повторит снова,
Что я стихами правду нес.

За все грехи иду на суд
Я в мир иной от бранных пут.

Темка 3.4.

Медитация на время

Бег в серебряные дали,
Превращенные в века.
Утомленный взгляд в печали
Вдруг встречает паука.

На спине узором пестрым
Время руны нанесло,
Но сплетается не просто
И магическим числом

Начинается с тех пор
Исчисление столетий.
Бог за Время не в ответе –

Паучок ткет нити эти
И шифрует хитрой сетью
Колдовской свой приговор.

19.05.2000

Ирина Додонова

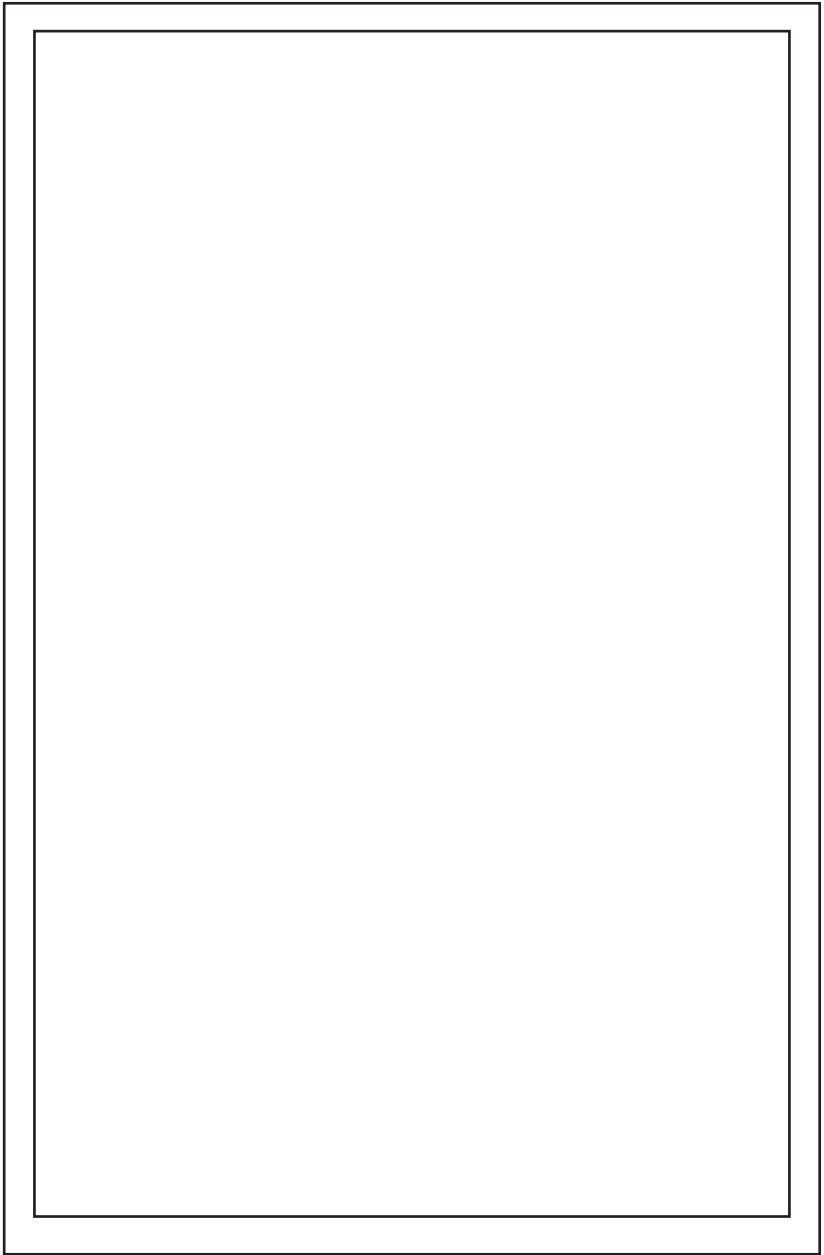
Сонет дождя

Шорох шин по ночному шоссе,
Желтые блики от фонарей,
Мелкий дождь в лобовое стекло,
Темное море мокрых полей.

Ужасно, но это почти любовь,
Разговор ни о чем, разговор между строк...
Уверен, успешен. И только в глазах
Усталость... и путь ночной одинок.

Я знаю, когда захлопнется дверь
Машины, прервется дорожный со.
«Спасибо» мое растает в дожде...
«Рад был подбросить», – ответит он

И тоже растает в туманной мгле...
Я снова одна на предзимней земле.

Ирина ДОДОНОВА

АПОКРИФЫ
(Millennium)

1

Каков он, грядущий таинственный век...
Мы ждали с рожденья его.
Замедлило время безудержный бег
В преддверье конца своего.

Затмение на небе знаменьем легло
Разрушенных древних миров,
И прошлого бремя нести тяжело,
Как сталь арестантских оков.

Затмение в душах, затмение в сердцах,
Космический холод и мрак...
И вечные камни рассыпались в прах,
А Бог нам не друг и не враг.

В распавшемся мире так слаб человек...
За окнами медленно падает снег...

2

За окнами медленно падает снег,
Скрывая ожоги земли,
И солнце уснуло, как будто навек,
За горизонтом вдали.

Есть время подумать и помечтать
О том, что, увы, не сбылось...
Солнце сломает затмения печать,
Луч тучи пронзит насквозь,

Но день наступивший увидят не все...
Столетия спрессованы в час,
Мир новый во всей засверкает красе,
Но только уже без нас.

Мы тихо погаснем, как пламя свечи...
За окнами Вечность в холодной ночи.

3

За окнами Вечность в холодной ночи,
И пойманной птицею пламя свечи
О стены из воска горячего бьется,
А мой Черный Воин беззвучно смеется,

Меня, словно мышь, он пустил в лабиринт,
В его хитроумной машине я – винт,
Всего лишь фигура в безумной игре...
Мерцает лиловый опал в серебре

На черной перчатке... Но мне все равно.
За окнами – холод, и в сердце – темно.
Герой всех героев... Как он одинок,
Когда чуть светлеет холодный восток,

И ночь, загасившая пламя свечи,
Глуха и беззвездна, угрюмо молчит.

4

Глуха и беззвездна, угрюмо молчит
Холодная бездна... И твердь из-под ног
Уходит, и ночи расцветший цветок
Уснувшие души в край дальний манит...

За Рыцарем Черным спускаюсь я вниз
И вдруг на вершине зеркальной стою,
Как книгу, читает он душу мою...
Дыханье его – ночи сумрачный бриз...

Он шепчет, что сон – лишь преддверье пути
К сверкающим безднам и темным горам,
Где тайны Вселенной откроются нам...
Жаль, ночь быстротечна, он должен уйти...

Все ярче и ярче алеет восток...
А время беззвучно уходит в песок.

5

А время беззвучно уходит в песок,
Чтоб в нем растворится навек без следа,
Бессмертный скиталец в пути одинок,
И время его – как в пустыне вода,

По капле пытается время он пить,
Но тают секунды, года и века...
Ему жажду вечную не утолить –
В пустыне времен пересохла река.

А где-то в оазисах жизни земной
Напрасно льют время, не зная цены
Годам и мгновеньям, и сладкий покой,
Прохладу даруют им вечности сны.

Скитальцу же – лишь раскаленный песок...
Прошедший сквозь Вечность всегда одинок.

6

Прошедший сквозь Вечность всегда одинок,
И память его – проржавевший клинок,
Хранящий останки бессмысленных битв,
Забытых признаний и лживых молитв.

И вечное звездное небо над ним.
Он небом обласкан, он небом гоним,
Отчаянье – компас, надежда – звезда,
Что вечно приводит его не туда.

Он ищет призванья, сомненьем объят, –
Два шага к вершине, и двадцать – назад...
В песочных часах время чувственно-зримо
И замкнуто в Вечность, и неисправимо...

И слишком вершины времен высоки...
В барханы столетий сложились пески.

7

В барханы столетий сложились пески,
В себе поглотив и героев, и мразь,
Шедевры погибнут – останется грязь.
И мерзлые лужи. И клочья тоски.

Кто будет читать списки стертых имен
На плитах могильных, что стали землей?
И брошены под ноги жухлой травой
Останки поверженных древних знамен.

А в сточной канаве сверкает звезда,
А дохлая лошадь прискорбней людей,
Попробуй прожить эту жизнь без затей –
Чтоб все, как у всех, чтобы все, как всегда, –

Сквозь пальцы родник просочится в пески
Секунд быстротечных любви и тоски.

8

Секунд быстротечных любви и тоски
На Вечность не хватит... Стараюсь прожить
Со вкусом мгновенья и вдумчиво пить,
Смакуя, волненья, стук крови в виски...

Все это – сюжеты для новых стихов,
Цинично на атомы страсть разложу
И, как демиург, плоть живую вложу
В немые шедевры из каменных слов.

Они оживут лишь по воле моей,
Но холодно их совершенство, как лед...
И где тот, другой, кто их тайну поймет
И чувством разрушит молчанье камней?

Живого жду тысячу лет человека...
Вот я на вершине последнего века.

9

Истина где-то рядом.
«X-files»

Вот я на вершине последнего века...
Но кто я? Где место под солнцем мое?
Меня утомляет сил высших опека,
Сам строить хочу я свое бытие!

Какой была цель моего появления
На этой планете среди тысячи звезд?
Как звали меня в том, ином, воплощенье?
Ответ где-то рядом, ответ очень прост...

Но как мне постигнуть загадку Вселенной,
Котенку слепому, когда плоть моя
Измучена, бедная, духом нетленным,
Которому тесен предел бытия.

Подобие Бога, гибрид человека –
Трусливый герой, всемогущий калека.

10

Трусливый герой, всемогущий калека,
Последний из древних и первый из новых
Давно смастерил себе веник терновый
Для баньки, чтоб смыть грязь минувшего века.

Всегда не у дел, невпопад и не в ногу –
Наивный левша среди мудрых правшей,
Что вечно бездельника гонят взашей
За то, что неверную выбрал дорогу.

Но он колею отвергает, глупец,
И сквозь целину продирается смело.
Оставьте его, ну какое вам дело,
Где встретит герой свой убогий конец.

Былого не жалко, хоть раны свежи...
В пустыне минувшего – лишь миражи...

11

В пустыне минувшего – лишь миражи,
В грядущем главенствует страх,
И времени тайны хранят витражи
И фрески в старых домах.

В них страхи ночные нас сводят с ума,
Густ воздух и каверзна твердь,
Властитель кошмаров Король-Чума
Здесь жизнь превращает в смерть.

Из этой ловушки нам выхода нет –
Кругом сотни тысяч зеркал,
Здесь явь еще хуже, чем сумрачный бред,
И вместо улыбки – оскал...

А над лабиринтом молчат витражи,
Им время – ничто, они вечно свежи.

12

Игрокам в бисер

Им время – ничто, они вечно свежи,
Им прошлое – сказка, грядущее – сон,
Они не скрывают нездешних имен,
Как им удастся все это, скажи?

Как им удастся с весной не стареть,
И в городе, скованном душевной чумой,
Смеяться над смертью, шутить над судьбой
И песни свои ненародные петь?

Ты скажешь, душе быть бессмертной легко,
Но тело ветшает, ему есть предел,
И это всех в городе смрадном удел.
Бог, может, и есть, но он так далеко.

Вновь смерть, возрожденье и времени бег –
Мой век на излете, двадцатый мой век.

13

Мой век на излете, двадцатый мой век!
И снова попытка: безумный побег
Из прошлых ловушек времен совершить
И жить в полный рост, просто жить!

Надежда последний корабль покинет,
И черные крылья над мачтой раскинет
Холодная бездна... Бессмертный "Голландец"
Во всех портах мира – всегда иностранец.

Заклятье не снято, и времени шляузы
Бессмертье его превращает в обузу...
Глоток земной жизни дать может свободу
И чистой соленую сделает воду...

Но в мире живых краток призрака век –
Он тает в ладонях, как утренний снег.

14

Он тает в ладонях, как утренний снег,
Мой сказочный мир, сочиненный давно,
Он тихо состарится, как человек,
И уксусом древнее станет вино.

Мой мир нафталином засыпать нельзя.
Чтоб выжить, он черпает солнца лучи,
Но молча уходят враги и друзья,
И ржавчина в прах разъедает мечи –

Мечи, что звенели в симфониях битв
За правду иллюзий, за истинность снов...
Но кто прочитает текст древних молитв,
И кто воскресит снова магию слов?

Познает ли тайну времен человек?
Каков он, грядущий таинственный век?

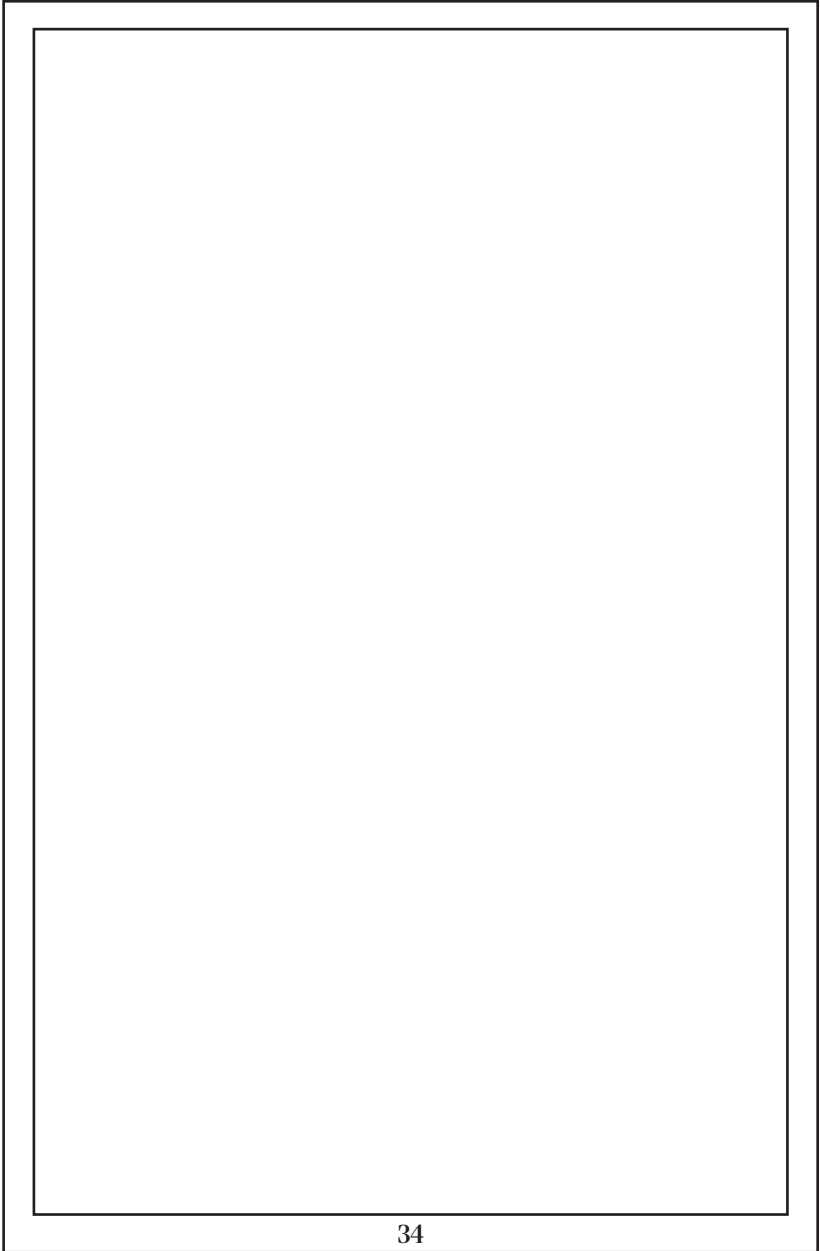
Каков он, грядущий таинственный век?
За окнами медленно падает снег,
За окнами Вечность в холодной ночи
Глуха и беззвездна, угрюмо молчит.

А время беззвучно уходит в песок,
Прошедший сквозь Вечность всегда одинок,
В барханы столетий сложились пески
Секунд быстротечных любви и тоски.

Вот я на вершине последнего века –
Трусливый герой, всемогущий калека...
В пустыне минувшего – лишь миражи,
Им время – ничто, они вечно свежи.

Мой век на излете, двадцатый мой век,
Он тает в ладонях, как утренний снег...

14.11.99 – 03.05.2000

Анна БОГДАНОВА

**С ПРИРОДОЙ ЖЕНСКОЙ
МНЕ
НЕ СОВЛАДАТЬ**

1

Давай я посвящу тебе сонет,
Я говорить красиво не умею,
Я даже подойти к тебе не смею,
Боясь в ответ услышать слово “нет”.

Мне легче эти строки написать,
Татьяной став на миг. “Чего же боле?”
Я о Любви пытаюсь рассказать,
О приносимой ею сладкой боли.

С природой женской мне не совладать,
Я не могу тебя другой отдать,
Борьба за продолжение рода вечна.

Нам вместе быть с тобою суждено,
И в наших детях, временам назло,
Я навсегда тебя увековечу.

18.05.99

2

А.

Я навсегда тебя увековечу
В своих стихах. И через много лет
Литературный критик даст ответ:
Кого ж я буквой “А” сегодня мечу?

А может, в никому ненужный хлам
Написанные превратятся строки.
Пути истории! Как вы порой жестоки,
К тому, кто хочет след оставить вам.

А значит, и тебе, мой друг, страдать!
Никто не будет голову ломать,
Над тем, кого я этой буквой мечу.

Нам жизнь вопросов много задает!
Когда годам я потеряю счет, —
На все вопросы мудро так отвечу.

18.05.99

3

На все вопросы мудро так отвечу,
Как будто сотни жизней прожила,
И сотни раз любила и ждала,
И сотни раз не состоялась встреча.

Я с каждым разом делалась мудрей,
Училась я на собственных ошибках,
Но, что бы ни было, старалась я с улыбкой
Переносить жестокости людей.

Я всем советы раздавать пыталась,
Из тьмы пыталась вытащить на свет,
Тянула так, что чуть не надорвалась.

Но я открою вам один секрет —
Ведь это я всего лишь притворялась,
Как будто прожила немало лет.

16.09.99

4

Как будто прожила немало лет,
А все еще наивна, как ребенок,
И беззащитна, как слепой котенок,
Под натиском житейских бурь и бед.

Как будто написала много строк,
Но разве что-то новое сказала?
Давно уже все сказано. Исток —
Там, где конец, а устье — где начало.

Замкнулся круг. Описаны все чувства,
Но мы сгораем в пламени искусства,
Друг друга повторяя, говорим.

С надеждой, что когда-нибудь смогу я
Хоть что-то новое поведать людям,
Я прожила уже немало зим.

18.05.99

5

Я прожила уже немало зим,
И с каждой новой становлюсь мудрее.
Вчера – могла, сегодня – не посмею...
О, Время! Как твой вклад неоценим.

Вчера – нашла, сегодня – потеряю,
Вчера – ушла, сегодня – возвращусь.
О, Время! Одному тебе молюсь,
Тебя ценю и все же убиваю,

Частенько праздно проводя часы,
А то и дни. На Времени весы
Бросаю жизнь! И снова все с нуля.

Ветра песком моих стихов заносят
Весь этот город, в чьих ладонях я
Пережила немало бурных весен.

29.06.99

6

*«Черный пес – Петербург,
Морда на лапах»*

Пережила немало бурных весен,
Я в этом городе, где грязь и суета.

Но вместе с тем такая чистота
И преданность во взгляде его пёсьем.

Он выброшен на произвол судьбы
И по помойкам ищет пропитанье,
Но никогда не просит подаянья
У равнодушной и тупой толпы.

Он горд и страшен. Морда в шрамах рек.
И отроду ему не первый век,
Но до сих пор во взгляде детства просинь.

Я вместе с ним терпела и ждала,
Три смутных времени пережила.
И вот пришла заплаканная осень.

29.06.99

7

И вот пришла заплаканная осень.
И под ногами мокрая листва.
Твои глаза любви и ласки просят.
Мне никогда не хватит мастерства,

Чтоб это описать! Найти то слово,
Что навсегда останется в веках.
И я, как пес, сижу в твоих ногах,
И для тебя, как пес, на все готова.

Осенний вечер плачет за окном,
И тишиной наполнен старый дом,
И нам с тобою хорошо одним.

Немного зябко. Это ерунда!
Ты тихо спросишь, я отвечу: "Да",
Согретая дыханием твоим.

19.05.99

8

Согретая дыханием твоим,
Разбуженная ласками твоими,
Душа моя раскрылась для любви
И я живу теперь любви во имя.

Бывало все. Любовью я звала
Другие чувства. Но теперь я знаю,
Что просто я сама себе агала,
От страстного желанья изнывая.

С тобой же наконец познала я
Все радости земного бытия.
Твоей любовью мой сонет отмечен.

Строка ложится ровно и легко.
Освободившись ото дня оков,
Покоя преисполнен тихий вечер.

29.06.99

9

Покоя преисполнен тихий вечер.
Как по бумаге мокрой акварель,
Закат ползет по небу мне навстречу,
Ночлега просит у моих дверей.

Покоя преисполнен тихий вечер,
Но нет покоя пишущей душе.
В обгрызенном моем карандаше
Застряло слово. Мне оно перечит!

Не хочет на бумагу выходить!
А как же я могу нормально жить,
Со словом нужным не назначив встречу?

Но слова нет. Таков его каприз.
На этот безнадежно чистый лист
Неровный свет отбрасывают свечи

29.06.99

10

Неровный свет отбрасывают свечи,
А по углам в клубки сгустился мрак.
Твоя болезнь – мой самый страшный враг,
Лежишь в бреде, твои бессвязны речи.

На лбу твоём вспухают капли пота,
Я вытираю мокрой губкой их.
Шум города за окнами затих.
Ах, если бы могла моя забота

Тебя от этой боли излечить!
Но тянет свои призрачные лапы
К тебе болезнь, и хочется заплакать:

Ведь я не в силах их остановить.
Душа от безысходности кричит,
И дождь в стекло оконное стучит.

1. 08. 99

11

И дождь в стекло оконное стучит,
И ты туда же – барабанишь по столу,
Мне действуя на нервы. И молчит
Душа за гранями стакана толстыми.

А по стеклу слезинками дождя
Текут проблемы. Может, улыбнешься?
Не стоит возвращаться, уходя,
И уходить без мысли, что вернешься.

Не стоит! Не забудь мои слова.
От стука разболелась голова,
Прощальные толкать не стану речи.

Мне хочется услышать тишину,
Но... прежде, чем порог перешагнуть,
Я руки положу тебе на плечи,

12. 10. 99

Я руки положу тебе на плечи,
Пытаясь неумело приласкать.
Я до сих пор не знала, где искать
И до сих пор не знала, где я встречу

Свою любовь. И вот она сидит
И пишет текст прологовской программы.
Комедии, трагедии и драмы
Судьба уже ссудила нам в кредит,

У каждого из нас – своя дорога.
Присядем – по примете – у порога.
На карте жизни не один маршрут размечен.

Чтоб выбрать свой, нужна была отвага.
Щекочет нервы ожиданье шага.
Как жаль, что этот миг не бесконечен...

21.10.99

13

Как жаль, что этот миг не бесконечен...
Как жаль, что это – лишь короткий миг,
Когда достигнут наслажденья пик,
Когда ты весь, как будто искалечен,

Обмякнешь и замрешь. И только стук
Любви в висках. Горячее дыханье
Щекочет ухо мне. Я отдыхаю
В кольце твоих неповторимых рук.

Как жаль, что это – лишь короткий миг...
А, в общем-то, вся наша жизнь – мгновенье
В сравненье с Вечностью. И только Вдохновенье

Диктует строки мне, срываясь в крик:
“Я обо всем скажу сама. Молчи!
Ты стал последним из моих мужчин”.

19.09.99

14

Ты стал последним из моих мужчин.
И аксиомы этой не исправить.
Мне не найти достаточных причин,
Настолько значимых, чтобы тебя оставить.

Ты стал последним из моих мужчин.
Каким по счету, я уже не помню,
Значение имеет только чин,
С которым я заканчиваю войны.

Мне скоро тридцать, и уже пора
В рулетку с жизнью перестать играть,
Тем более, что ставок больше нет.

Закрыт игральный дом. Конец войне.
И я не знаю, чем заняться мне?!
Давай я посвящу тебе сонет?

11. 08. 99

15

Давай я посвящу тебе сонет?
Я навсегда тебя увековечу,
На все вопросы мудро так отвечу,
Как будто прожила немало лет.

Я прожила уже немало зим,
Пережила немало бурных весен,
И вот пришла заплаканная осень,
Согретая дыханием твоим.

Покоя преисполнен тихий вечер,
Неровный свет отбрасывают свечи
И дождь в стекло оконное стучит.

Я руки положу тебе на плечи,
Как жаль, что этот миг не бесконечен...
Ты стал последним из моих мужчин.

18. 05. 99

Николай Арвентур

ВЕЩЕЕ ВИДЕНИЕ

1

Венок сонетов Милой – в самый раз.
Ему б венчать головушку родную,
Да странный этот святочный рассказ
Высвечивает сторону иную.

Любовь, любовь! Зачем приходишь ты,
В глазах людских – жестокая оплошность?
Зачем ты тешишь сердца безнадежность,
Коль никому не ведать красоты

Твоих стремлений, творческих надежд,
Как будто мир наш скроен из невежд,
А я один чужак такой нескромный?

Но что же делать: сожжены мосты,
Бесценны в жизни только Бог и Ты,
И сердца бег – тревожный, неумный...

2

...И сердца бег – тревожный, неумный –
Меня с постели сбросит в час ночной.
Я весь горю, я полон лишь тобой!
А за окном – фонарный мир бессонный.

Сажусь к столу. Перо в моей руке
Выводит рифмы. Взор мой воспален.
Строка ложится к найденной строке.
Сквозь слезы тьма колышется, как сон...

Как тяжело мне! Но я грущу не очень:
Борьбой за славу я не озабочен –
Лишь верю, что придет заветный час.

Стихи мои прочтет случайный кто-то,
Как музыкант – отысканные ноты,
И творчество незримо свяжет нас.

3

...И творчество незримо свяжет нас,
Поэтов в чём-то схожих и несхожих.
Смотри: осыпан звездною порошей
Полночный небосклон-иконостас.

Святые лики чудятся в созвездьях,
А наш святой – далекий Козерог –
Мигнет лукаво:
В совместности непройденных дорог?

Вы можете идти и друг без друга,
Но это будет странная разлука,
Когда и даль, и небо так бездонны...

И даже если рядом добрый кто-то,
То слушать звезды – лишняя забота,
Когда тоска жестока и бездонна...

4

Когда тоска жестока и бездонна
В глухую беспросветную пору
И бьет в висок мотивом монотонным, –
В себе раскроешь Черную Дыру...

«Загоним в гроб и спящем на могиле!» –
Сказала ты о призрачных мечтах.
Не сознавая истинной их силы:
Мечты ушли, они разбиты в прах.

А вместо них осталось это поле
Из сжатой, как пружина, гиблой боли
С огромной гравитацией внутри.

Себе так страшно в этом признаваться!
Но рядом – друг, и нужно ль расставаться,
Когда зовут за расстань фонари?..

5

Когда зовут за росстань фонари,
Во мне звучит есенинское горе,
И хочется уйти в большое море –
Открыть страну неведомой зари.

Но где она, прекрасная, не знаем;
Мы даже наугад не представляем,
Как выглядит – далекая – она.
Ужели только гаупая луна

Застывшею усмешкой фосфористой
Подскажет путь нелегкий и неблизкий...
Молчание... Отчаянье!.. Опять

Несбывшееся в вечер поманило.
Но чья звонит во мраке кампанила?
Пойдем-ка, друже, просто погулять!..

6

Пойдем-ка, друже, просто погулять.
Цепочка припорошенных следов...
Плакучей ивы серебристой прядь
Бесслезно наклонилась до снегов.

Вон ёлочка растет из-подо льда;
Она, как ты, свежа, тонка, стройна.
А леса отдаленная гряда
Напомнит: где-то – чудная страна.

Ее примета – старый особняк.
Чернеют стены на исходе дня.
О тайны, тайны! Только фонари

О них напоминают невзначай...
Снежинок синий шорох привечай...
А на устах лишь слово: «Говори!»

7

А на устах лишь слово: «Говори...»
Оно – как производное молчанья,
Как свет желанный утренней зари,
Как ночи пережитой умиранье.

Награда сердцу друга – откровенность:
Она скрепляет тонкой дружбы верность.
Пусть счастья своего у друга нет,
Он в помощи тебе увидит свет.

Тогда ему захочется быть сильным;
Невзрачный с виду, станет враз красивым.
Ему прольется с неба благодать.

И счастье вдруг негаданно помстится,
Как шорох крыл невидимой Синь-Птицы,
Как музыка, способная понять.

8

Как музыка, способная понять, –
Грудной твой голос, ласковый и рыжий.
Пускай мне не дано тебя обнять, –
Я в мыслях дерзкий, званный и бесстыжий.

Я просто по-есенински хочу
С тобою побродить по звонким росам.
Ты усмехнешься: «Вам пора к врачу!» –
«Хоть к палачу, но прежде – нежным розам!»

Они, как забывдки глаз твоих,
Росинками мне пели о любви.
Ты сердишься так мило и притворно!

О, право же, Овидий понимал
Предмет любви. Он знал, что завещал!
Тебя мои качают стиховолны...

9

Тебя мои качают стиховолны
И на листах, и в Сумрачном
А сердце исстрадавшееся полно
Любви единой к миру и к тебе.

А так наверно любят очень редко,
Быть может, раз в столетие. Хотя
Любовь такая – вовсе не конфетка,
Но разве ты – наивное дитя?

Довольно ли того, что ты имеешь
И что в глубинах сердца ты лелеешь?..
От мысли той обоим странно-больно...

Исхода нет – пора смириться мне,
Искать покоя в звездной тишине,
Где сновиденю вещему раздольно...

10

Где сновиденю вещему раздольно,
Во фрунт порой становится судьба.
Такие сны являются неволью,
А в них звучит Архангела Труба...

Однажды роковое сновиденье
Явилось мне как будто наяву,
Прервав мое мучительное бденье...
И я с тех пор видением живу.

Ведь Рок – не только злой, неумолимый
Фатально-грозный силою незримой, –
Бывает он силен и от добра.

А это редкость в жизни накаленной,
Порой до примитива упрощенной!
Пришел мой Рок, скомандовав: “Пора!”

11

Пришел мой Рок, скомандовав: «Пора!» –
И занавес муаровый открылся.
А завтра ли, сегодня ли, вчера –
Без разницы: спектакль прекрасный сбылся.

Представьте: ночь над Питером опять
Покровы карамельные раскрыла.
Чтоб сладостью подсвеченной стекать
На снег, уже подтаявший, бескрылый.

Природа недовольна: «Что ж ты, ночь?
Где чернота и звезды? Тучи – прочь!» –
И ветер запустила моментально.

И липкий полог низких хмарных туч
Сполз нехотя с небесных черных круч,
И вызвездило – ярко и кристально.

12

...И вызвездило ярко и кристально,
А ветер успокоился и замер,
Как будто в колыбель пробрался тайно,
Где маленькое сердце – словно таймер.

Толчки секунд слагаются в минуты...
Вотходишь ты пружинисто-неслышно,
Как кошка со страниц восточных книжных,
Вместилище пушистого уюта.

Мальш твой спит, разнеженный покоем, –
Цветник росистый, что взрастили двое.
Цветов роса певучая печальна...

Ее ты слышишь, недоумеваешь,
Затем найтѐм чутким понимаешь:
Твое дитя – Космическая Тайна...

13

Твое дитя – Космическая Тайна!
Вот луч аквамариновой звезды
Скользнул в окно посланником астральным,
Лег на подушку пятнышком седым.
Мальш проснулся с возгласом: «Постой!»
Вдруг улыбнулся ласково и чисто,
Схватить пытаясь лучик серебристый,
Промолвил: «Мама, лучик – как живой.

Откуда он?» – «Со звездочки». – «А что же
Ты плачешь, мама?» – «Это – Он... О Боже!» –
«Но кто же?» – «Человек один... Пора

Настала – Он пришел. Он так любил!..»
«А ты?» – «Я не смогла, но он простил:
Ведь в Завтрашнем – чудесное Вчера...»

14

«Ведь в Завтрашнем – чудесное Вчера...»
Задумался мальш – и осенило:
«Он был поэт?» – «О да, огромной силы!
А лучик – продолжение пера...

Он рос и рос – и вырос до звезды,
Но в нашем жестком и реальном мире
Ему не жить: он против суеты,
Зато звучит в межзвездной звонкой лире».

«Я слышу песню...» – «Слушай и внимай,
И Гения энергию вбирай.
Придет пора – порадуешь ты нас!»

Видение исчезло... Снова – будни...
Прислушайся: не те ль разливы лютни?..
Венок сонетов Милой – в самый раз!

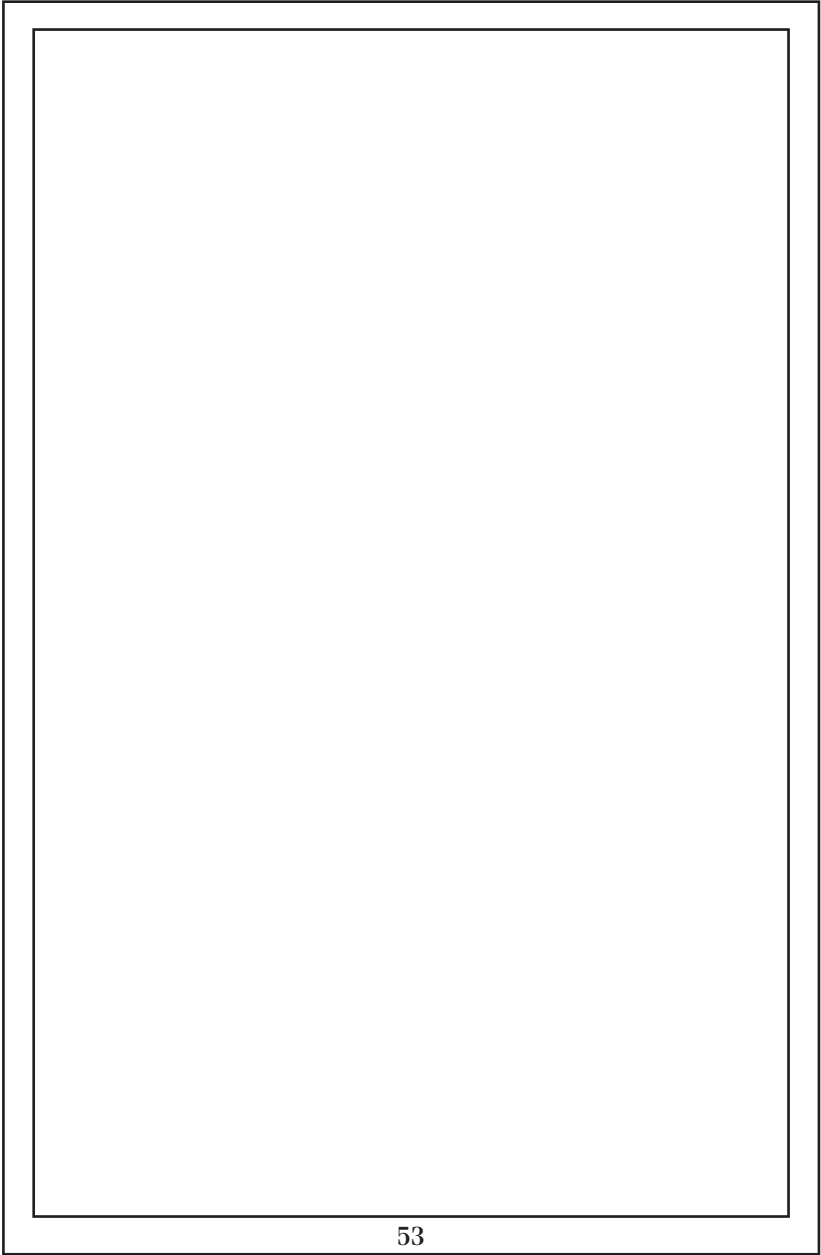
15

Венок сонетов Милой – в самый раз!
И сердца бег тревожный, неумный,
И творчество незримо свяжет нас,
Когда тоска жестока и бездомна.

Когда зовут за ростань фонари,
Пойдем-ка, друже, просто погулять.
А на устах лишь слово: «Говори...» –
Как музыка, способная понять...

Тебя мои качают стиховолны,
Где сновиденю вещему раздольно.
Пришел мой Рок, скомандовав: «Пора...» –

И вызвездило – ярко и кристально:
Твое дитя – Космическая Тайна,
Ведь в Завтрашнем – чудесное Вчера...

Анна ШПАГИНА

ТРАУРНЫЙ ВЕНОК

ВЕНОК СОНЕТОВ

*Посвящается
затонувшему экипажу
подлодки «КУРСК».*

1

Не исчерпает Баренцево море
Отчаянье, страдание и боль;
Не сыщется во всем его просторе
Соленей, чем слез морячек соль.
Не перекроют крики птиц морских,
И ледящий душу ветра вой
Стенаний скорбных близких и родных
По тем, кто похоронен под водой.
Сердца – не из гранита, их волной
Не обточить, как камень вековой.
И на душе суровая беда
Зазубрину оставит навсегда.
И время убаюкает не скоро
Детей, и матерей, и близких горе.

2

Детей, и матерей, и близких горе
Не возмутит чела Владыки Вод.
За то, что со штормами люди спорят,
Он топит далеко не первый флот.
Он вечно жаждет жертвоприношений,
Бесстрастно проливая смертных кровь,
Их делая добычею течений,
Игрушкою бушующих валов.
Он лишний раз не жалуется прощеньем
Тех, кто посмеет тайны бездн украсть,
Он истребит, кипит от возмущенья,
Всех, посягнувших на Нептуна власть.
Как он за дерзость может покарать,
Бог милостивый нам не даст познать.

3

Бог милостивый нам не даст познать,
Как судно камнем падает на дно;
Как жутко, задыхаясь, умирать,
Когда вокруг все глухо и темно.
Вода штурмует лодки битый борт,
Сочась по капле изо всех щелей...
А ты мечтаешь возвратиться в порт,
Любимую увидеть и детей.,
И успокоить старенькую мать,
Что вышла на причал тебя встречать.
Себе о смерти думать не даешь,
Хоть знаешь, спасенья тщетно ждешь.
Нам здесь, на суше, страшно представлять,
Тот ужас, что пришлось вам испытать.

4

Тот ужас, что пришлось вам испытать,
Потряс людей всего земного шара:
Подлодка "Курск" навязчивым кошмаром
Из сновидений будет выплывать.
Увы, пройдет не месяц и не год –
Потребуется времени немало,
Чтоб прекратить стирать холодный пот
Со лба – проснувшись ночью – покрывалом,
Перед иконой до утра стоять,
И мысленно героев поминать,
Слёз не стирая с бледного лица,
Молитвы повторять за упокой
Всех тех, кто, стиснув зубы, ждал конца,
Тогда, часы и сутки под водой.

5

Тогда, часы и сутки под водой,
Не видя ни заката, ни рассвета,
Вы все же подавали голос свой,
Лишенные и рации, и света.
Утратившие времени отсчет,
Минуты вы за сутки принимали,
И до конца надеялись и ждали,
Что гибель стороною пронесет.
В глухую стену били молотком,
Как в колокол набатным языком,
И сотнями сигналиющих кругов
По волнам разбегался этот зов;
Не веря, что вода его заглушит,
Молили вы: “Спасите наши души!”

6

Молили вы: “Спасите наши души!
Мы живы, мы еще не рыбий корм!”
Но море не желало стоны слушать,
И не уняло ненасытный шторм.
Забывшие об отдыхе и сне,
Ни на минуту не переставая,
Спасатели работали на дне,
Поочередно в смену заступая,
Заклинивший пытаюсь люк открыть
И вас из плена вод освободить,
Рискуя жизнью собственной порой.
Правдивых и доказанных вестей
Услышать ждали мы не от властей,
И ждали – из пучины гробовой.

7

И ждали – из пучины гробовой.
Их вытасят – любимых больше жизни,
Вернется с ними счастье и покой,
Но нам достались звуки горькой тризны.
Приспущены Андреевские флаги,
По всей России – похоронный звон
Гудит, поет о тех, кто в саркофаге
Железном замурован, погребен.
Вдруг лопнула надежда, как струна,
И в траур погрузилась вся страна.
Как весть о вашей смерти передали –
В отчаяньи мы затыкали уши,
И всей своей душой протестовали:
Вас непременно вытасят на сушу!

8

Вас непременно вытасят на сушу –
Так обещали нам все девять дней.
но кто же чашу горечи осушит
Всех, всех ставосемнадцати семей?
Какая бритва выскоблить сумеет
Их материнских душ их имена,
Коль память, не желая и жалея,
Их вечно сохранять обречена?
Кто не отдал спасительный приказ –
Мин. Обороны или сам Главком?
В смущении, не поднимая глаз,
С экрана нам твердили об одном:
“Особенно в такое время года,
Увы, строптива севера природа”.

9

Увы, строптива севера природа,
Как лютый зверь, свирепствует она,
И к боли и беде людского рода
Извечно безразлична, холодна.
Метелью, вьюгой очи запорошит,
Пронижет тело ветер до костей,
Зимою льдины на море раскрошит,
Хрупкий оплот рыбацких лагерей.
Природа ненавидит непокорных,
Ее не обуздать, как скакуна.
Веками человек корпит упорно,
Чтоб покорила разуму она...
Хоть ныне технологии мощней,
Не справилось дитя прогресса с ней.

10

Не справилось дитя прогресса с ней,
Увы, хотя проходит век двадцатый
По-прежнему берет она с людей
Привычную и дорогую плату:
Всех больше платят те, кто жизнь отдал
Стихии ненасытной во угоду,
Чуть меньше те, кто близких потерял,
И в горе потерялся сам на годы.
Когда оно страданиями разбито,
Стать может сердце тяжелей гранита,
И разучиться верить и любить,
Но кто из нас сумеет позабыть,
Как в августе двухтысячного года
Разбушевдалась злая непогода?

11

Разбушевдалась злая непогода,
Носился с криком в тучах альбатрос,
Сквозь волны, сквозь бушующую воду,
Как судорога шли сигналы "СОС!".
Мы, содрогаясь в такт сигналам этим,
С языческой, наивной простотой,
В своих молитвах заклинали ветер,
Неистово бушующий прибой,
Просили мы подводные течения,
Чтоб временно они потише шли...
Иль предков позабыли мы моления,
Или они до Бога не дошли,
Но волны бесновались все сильней,
Не дав из плена выволить парней.

12

Не дав из плена выволить парней
Британцам и норвежским водолазам,
Нам снова подтвердили, что ни разу
Судьба людей не трогала властей.
В роскошных кабинетах восседая,
Как долго не хотели разрешать
Работать тем, кто искренне жаждет
Матросов из подлодки доставать!
Как только получили позволение,
На помощь поспешило подкрепление:
Норвежцы и подлодка АР-5
Поплыли экипаж со дна спасать,
И вся страна надеялась, ждала...
Надежда наша вас пережила.

13

Надежда наша вас пережила:
Мы продолжали ждать, но вы – устали.
Все силы жизни изожгли дотла,
И души Богу вечному отдали.
Вам ангел смерти песню напевал,
Баюкал вас, измученных борьбою,
И с каждым часом чаще прилетал
На небо, унося с собой героев.
Вы перестали грезить о спасеньи,
Все реже становился сердца стук,
И постепенно замерли движенья,
Все стихло, успокоилось вокруг,
Боль от удушья наконец прошла...
Навеки вас пучина погребла.

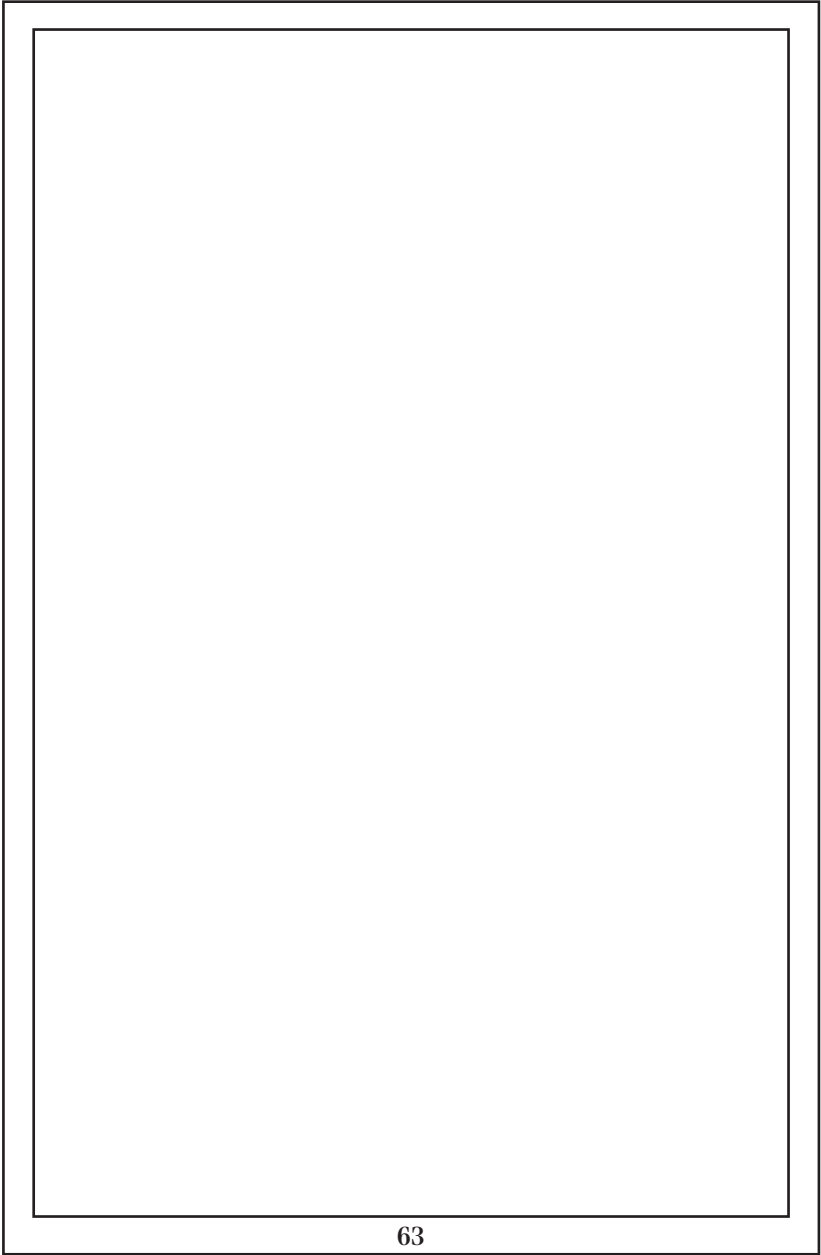
14

Навеки вас пучина погребла,
Из плаванья вам больше не вернуться.
На дно, как камень, лодка залегла,
Она не сможет больше шевельнуться.
Вам стая чаек реквием сплет,
А панихиду вам отслужит ветер.
Напрасно жениха невеста ждет,
Любимого сильнее всех на свете,
И рано овдовевшая жена
В слезах детей баюкает одна.
Но что творится в сердце матерей,
Прижизненно утративших детей?
Боль, что застыла в материнском взоре,
Не исчерпают волны Баренцева моря.

15

Не исчерпают волны Баренцева моря
Жен, матерей, детей и близких горе.
Бог милостивый нам не даст познать
Боль, ужас, что пришлось вам испытать.
Тогда, часы и сутки под водой,
Молили вы: "Спасите наши души!"
И ждали: из пучины ледяной
Вас непременно вытащат на сушу.
Увы, строптива Севера природа,
Не справилось дитя прогресса с ней,
Разбушевалась злая непогода,
Не дав из плена вызволить парней.
Надежда наша вас пережила,
Навеки вас пучина погребла.

31 августа 2000 года

Содержание

Я ВЫЗВАЛА ИЗ ТЬМЫ ТВОЮ ЛЮБОВЬ. опыт коллективного венка сонетов 3	
ЧТО НОВОГО В ЛЮБВИ. Сонеты	
Вика М. «Ты был со мною ласковым и нежным...». – «Когда ты мне смотрел в глаза...». – «Вчера тебя увидела с другой»	14
Владимир Малых. «Прекрасная жестокая любовь...». – «Засохнут, словно старые цветы...». – «Простите, не могу я Вас любить...»	16
Анна Богданова. «Чтоб наконец-то истину познать...»	18
Алиса Клио. СО-НЕТ. – ДАР. – ВЕСНА	19
Артур Бертон. МАГИСТРАЛ. – «Как враг чужого интереса...»	21
Темка З.Ч. МЕДИТАЦИЯ НА ВРЕМЯ	22
Ирина Додонова. СОНЕТ ДОЖДА	23
Ирина ДОДОНОВА. АПОКРИФЫ. (Millennium). Венок сонетов	25
Анна БОГДАНОВА. С ПРИРОДОЙ ЖЕНСКОЙ МНЕ НЕ СОВЛАДАТЬ. Венок сонетов	35
Николай Арвентур. ВЕЩЕЕ ВИДЕНИЕ. Венок сонетов	45
Анна ШПАГИНА. ТРАУРНЫЙ ВЕНОК Венок сонетов	55

ВИНО СОНЕТОВ

Серия «Библиотека голодных поэтов»

ISBN 5-7199-0149-3

Подписано в печать 10.12.2001 г.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.

Усл.-печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 3,88.

Тираж экз. Заказ №

Издательство «Бояныч» СПб, 198103, а/я 46.

Лицензия АП № 000015 от 01.09.1998 г.

Отпечатано